

Человек эпохи

Лично с Вениамином Сергеевичем познакомиться мне пришлось при весьма необычных обстоятельствах. Он не утвердил ассистентом кафедры человека из педагогического института: «Мне нужны люди с базовым университетским образованием. Ищите», — сказал он Василию Васильевичу Гришаеву. А случилось это 30 августа, за день до начала учебного года.

1.

Гришаев был озадачен: как быстро решить вопрос? А тут я подвернулся. Меня мгновенно, без всякой бюрократии оформили, при этом я «забыл» сообщить, что по распределению должен работать совсем в другом месте. Где-то через полгода в университет пришло представление прокуратуры о том, что меня как злостного нарушителя нужно немедленно уволить.

Вениамин Сергеевич вызвал меня — я первый раз был в его кабинете — и сказал: «За то, что ввели нас в заблуждение, Вас следовало бы наказать. Но поскольку я принимал Вас на работу, я поговорил с ректором Иркутского университета, идите оформляйте командировку — распоряжение я дал. Поезжайте в Иркутск и урегулируйте вопрос».

Я был наслышан о крутом нраве Соколова и, конечно, ожидал совсем другого варианта развития событий. А мой товарищ, тогда замсекретаря парткома КГУ Виктор Болотов предложил радикальный вариант — перейти на комсомольскую работу («и прокуратура, и все отстанут от тебя»). И я, не имевший ранее никакого отношения к комсомолу, пошёл работать в комитет ВЛКСМ университета.

2.

Большинство преподавателей крайне редко видели ректора, мне же в силу положения приходилось общаться довольно много. Соколов всегда лично занимался университетскими проблемами, которые считал важными.

В то время он озадачился состоянием общественных дисциплин. Назначил себя заведующим кафедрой научного коммунизма, создал под своим руководством совет по общественным наукам, меня же поставил секретарём этого совета. Удивительно было наблюдать, как посвятивших всю свою жизнь партийной идеологии убеждённых седидами профессоров, заведующих кафедрами он, физик по образованию, «учил марксизму» на заседаниях совета.

Его, конечно, интересовали не идеологические установки, а глобальное видение перспектив отечественной экономики. Он их напрямую связывал со взаимодействием систем хозяйства, образования и науки.

Соколов довольно серьёзно углубился в эту тематику, написал потом с десяток статей и пару книг. Пытался продвигать свои идеи в комиссии по бюджету, планам, налогам и

ценам Верховного Совета РСФСР-РФ. В 1994 году директора связанных с наукой предприятий высокотехнологических отраслей консолидированно выдвигали его в Госдуме в качестве основного кандидата на должность председателя Правительства РФ. Из-за интриг назначение тогда не состоялось, а Россия могла бы пойти по другому пути...

За свои реформаторские предложения Соколов в определённой среде получил тогда прозвище «русского Фридриха Листа» (выдающийся немецкий экономист XIX века). Сейчас, через тридцать с лишним лет, написанная им совместно с Е.В. Гильбо «Программа экономических реформ» (<http://www.analysisclub.ru/index.php?page=econom1995&art=18>) читается как удивительный исторический документ, насколько в нём правильно расставлены акценты, насколько прозорливо сделаны прогнозы развития России.

Всегда поражала даже не столько глубина его понимания проблем, а невероятное, необъяснимое противоречие: он был человеком весьма и весьма консервативных взглядов, но на практике предпочитал революционные решения. Никогда не ориентировался

на догмы или на государственную идеологию, в которую бесконечно верил. Он верил в коммунизм, был убеждённым сторонником «социалистического выбора».

3.

У Соколова было поразительное умение привлекать людей, как внешних, так и внутри университета: нестандартных, с оригинальным мышлением. Он приглашал в КГУ педагогов-новаторов (Ш.А. Амонашвили, В.В. Давыдова, Д.Э. Элькони и др.), имевших сложные отношения с официальной государственной педагогикой; сделал КГУ одной из основных площадок в СССР для оргдеятельностных игр Г.П. Щедровицкого, несмотря на его репутацию диссидента. Красноярскую летнюю школу под его руководством создавали творческие люди — В.О. Бытев, В.А. Болотов, В.Г. Пивоваров, И.Д. Фрумин, А.Н. Горбань.

Уникальным был его проект создания пси-

К 90-летию ректора В.С. Соколова

холого-педагогического факультета. Он добился его открытия вообще без первого набора. Уже учившимся студентам — биологам, математикам — предложили заняться изучением психологии и педагогики. Руководить ППФ Соколов поставил не стандартных педагогов, а креативных людей с тематического, физического, юридического факультетов — Б.И. Хасана, А.М. Аронова, В.А. Болотова, В.Г. Васильева.

Все, кто будет говорить о Соколове, обязательно скажут про образование. Это была главная тема его жизни. Он справедливо считал, что образование и есть основа всего. Он писал какие-то записки в Госплан, в ЦК, в Совет министров со своими предложениями.

Как-то позже, уже во времена разлуки, он мне сказал в порыве откровенности: «Если бы я стал министром, мы бы многое сумели сделать». И я думаю, так оно и было бы. Да, у него были здоровые амбиции, совершенно обоснованные. И он, с его масштабам государственного мышления, железной волей, выдающимися административными способностями, смог бы, наверно, поставить систему образования на качественно другой уровень.

В послесталинские времена на вузах экономили (тот же КИСИ — инженерно-строительный — чуть позже был размещён в здании, строившемся по проекту стандартной средней школы). Соколов продвинул совсем другой, необычный для того времени проект. Многие были против — «колодезь», «оттапливать воздух» и т.п. Поскольку кампус в значительной части строился на деньги, заработанные под руководством Соколова хозрасчётным способом на космосе, он никого не слушал.

4.

Как и инженер по образованию Федирко, физик Соколов остро ощущал гуманитарные дефициты в Красноярске. Федирко придумал программу «Превратим Сибирь в край высокой культуры» (открывал театры, концертные залы, творческие вузы, отделение Академии художеств, симфонический оркестр и т.д.).

КГУ был единственным университетом в стране без гуманитарных специальностей. Соколов поставил задачу — в кратчайшие сроки выровнять диспропорцию.

Он пригласил талантливейшего Е.А. Лозинского с его авторским курсом «Основы музыкальной культуры», обязательным для студентов всех специальностей. В КГУ давались концерты классической музыки Красноярского симфонического оркестра под управлением И.В. Шпиллера.

Соколов сам формировал преподавательский корпус гуманитарных специальностей. При открытии отделения филологии лично встречался в МГУ с Т.В. Шмелёвой (сейчас входит в тройку самых цитируемых авторов по языкознанию), позвал её в Красноярск.

В СССР было всего 20 университетов, где готовили журналистов (из них в РСФСР — девять) и 11 университетов, где готовили психологов (в РСФСР пять). Соколов поставил задачу открыть в ближайшей перспективе эти специальности в КГУ. Это было чрез-

вычайно сложно сделать, вопрос решался где-то на уровне ЦК.

Он присоединил Лесосибирский пединститут к КГУ, крупнейшую в городе школу №106 сделал базовой экспериментальной школой при университете. Не скрывал планов «поглощать» и некоторые красноярские вузы (за что его не очень любили их руководители).

5.

Университет, конечно, был главным делом его жизни — это был период созидания. Потом СССР покончил самоубийством, и Соколов оказался не у дел. В 1990 году, работая в крайкоме, он написал программу развития Красноярского края, но её уже никому было реализовывать. Он занимал довольно высокие посты, но аудитор Счётной палаты всё-таки не его уровень.

Как-то в середине 1990-х гг. в Москве в командировке я встретил его у гостиницы «Россия». Мы проговорили семь часов (!), сначала на улице, потом в буфете. Видно, накипело, хотелось ему высказаться обо всём, что происходило в стране.

Говорил и о том, что «губернатору Zubovu надо помочь, он в трудном положении». Я работал тогда в администрации края и был свидетелем частого общения Валерия

частности, помогал. Хотя ему совсем не нравилась моя политическая позиция.

Отправляя меня в аспирантуру в историко-архивный институт, сказал: «Вот поезжайте к Афанасьеву (ректор МГИАИ, один из «архитекторов перестройки»), Соколов его сильно не любил, хотя они были чем-то похожи, — С.К.), будете с ним вместе ругать Советскую власть».

Соколов сыграл ключевую роль во время событий «чёрного октября» 1993 года. Именно он от имени осаждённого Верховного Совета вёл переговоры с «президентской» стороной. Он подписал (вместе с Р.Г. Абдулатиповым) от Съезда народных депутатов Протокол № 1. К сожалению, протокол не был выполнен, предотвратить расстрел российского парламента не удалось.

После кровавых событий, чтобы как-то немного снять напряжение, «умеренным» руководителям Верховного Совета предложили перейти в правительство. Соколов был одним из немногих, кто отказался. Он ушёл на должность академика-секретаря в Российскую академию образования (кстати, в РАО было шесть академиков — выходцев из КГУ, учеников Соколова). Все его предложения по государственной политике в области образования были отвергнуты властью...

Внешне суровый, внутри он сильно переживал от этой нереализованности, от того, что «стену не пробить». Это был такой «превращённый полёт», как будто его подбили на взлёт. Собственно, так оно и было. Он чётко делил свою жизнь до 1989 года и после. То есть когда ему удавалось созидать, создавать новое, реализовывать гигантские проекты — и когда наступили другие времена.

7.

Он не был сентиментален, на людях во всяком случае, но по временам создания университета ностальгировал. Однажды, в 1999 году отмечали в университетской столовой очередную годовщину КГУ. Мы сидели с Вениамином Сергеевичем за одним столом. Мероприятие поначалу носило какой-то вымученный, неестественный характер. Только что сменилась власть в крае. На банкет приехали новые начальники, они и выступали. Ни Соколова, ни Зубова, сидевшего за соседним столом, и вообще никого не упоминали, говорили про себя, хотя к университету никакого отношения не имели.

Я видел, как мрачнел Вениамин Сергеевич, как у него всё кипит внутри. Я подошёл к ведущей и, нарушая всякую субординацию, забрал микрофон. Сказал несколько слов, вернулся, сел и говорю: «Вениамин Сергеевич, ерунду я сказал. Вы были не одним из лучших, а лучшим ректором Советского Союза». И смотрю — у этого железного человека увлажнились глаза. Меня это потрясло. Я понял, как он переживает за своё детище, в которое вложил столько сил.

Он был принципиальным и смелым человеком. Когда преследовали его ученика В.В. Данилова, Соколов сам ходил по судам, выступал. Я тогда работал редактором газеты и публиковал письмо двенадцати ведущих физиков страны, академиков во главе с нобелевским лауреатом В.Л. Гинзбургом в защиту Данилова. Это обращение организовал Вениамин Сергеевич.

Часто вспоминая Вениамина Сергеевича, я использовал старые штампы: «руководитель ленинского типа», «характер сталинского наркома» и т.п. Это правильно, в определённом, конечно, контексте. Но всё же не передаёт эпохального значения Соколова. Он не просто человек эпохи, он её сам создавал — эпоху Соколова. И в истории края, и в истории страны, и в истории университета, конечно.

Сергей КОМАРИЦЫН,
историк и журналист

Текст полностью — на сайте газеты

На фото: с В.С. Соколовым в составе делегации Красноярского края в Японию, у Торгового представительства России в Токио, 1997 год.